

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

П.А. Ореховский

д.э.н., проф., гл.н.с., Институт экономики РАН (Москва)

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОЗДНЕГО СССР: НОВЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ

(О книгах Николая Митрохина и манифесте «Кристалл роста. К русскому экономическому чуду»)

Аннотация. Работа посвящена характеристике двух недавних работ по экономической истории СССР, использующих принципиально разный подход к описанию советской реальности. В двухтомнике Н. Митрохина используются интервью, биографии представителей советской элиты, мемуары. В целом его анализ опирается на экономическую социологию и основывается на гипотезе о рациональности поведения советских руководителей, заинтересованных в росте и процветании своих отраслей и СССР в целом. В совместной работе А. Галушки, А. Ниязметова, М. Окулова вводится неявная гипотеза о некомпетентности и доминировании частных, индивидуальных интересов советских руководителей. Формально ими используется институциональный анализ, однако выделенные в книге модели отождествляются с отдельными историческими периодами в жизни России и СССР и являются несопоставимыми. Каждая из рассматриваемых работ представляет большой интерес, а вместе они характеризуют тренд на продолжение фрагментации современной экономической истории.

Ключевые слова: *дискурсы, поздний СССР, мейнстрим, плюрализм, институты, биографический анализ, экономические модели.*

JEL: N00, N01, N14

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_174_183

© П.А. Ореховский, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Ореховский П.А. Экономическая история позднего СССР: Новый плюрализм (О книгах Николая Митрохина и манифесте «Кристалл роста. К русскому экономическому чуду») // Вопросы теоретической экономики. № 2. 2023. С. 174–183. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_174_183.*

FOR CITATION: *Orekhovsky P. Economic History of the Later USSR: New Pluralism (About the Books of Nikolai Mitrokhin and the Manifesto «The Crystal of Growth. Toward the Russian Economic Miracle»)// Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. No. 2. 2023. Pp. 174–183. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_174_183.*

Официальная версия экономической истории СССР второй половины XX в., сложившаяся где-то к концу 1990-х гг., в основном базируется на работах Е.Т. Гайдара [Гайдар, 2005; 2012]. В упрощённом виде она сводится к факторам месторождений нефти и газа, открытым в Сибири в 1960-е гг., высоким ценам на нефть в 1970-е гг., связанным с военным столкновением Израиля и арабского мира, последующим падением цен на углеводороды как мезью США и Саудовской Аравии за советское вторжение в Афганистан в 1979 г., безграмотной экономической политике КПСС и, как следствие, закономерной экономической катастрофе. Респектабельность этой истории основана, с одной стороны, на объяснении относительно высоких темпов роста в 1960-х гг. увеличением добычи сырья,

с другой — убеждённой в порочности политической системы советского социализма и его институтов. Последнее очень хорошо ложилось в логику прогрессистского дискурса авторитетных зарубежных институционалистов (например: [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Аджемоглу, Робинсон, 2013]), что, в свою очередь, позволяло отечественным историкам и экономистам комфортно вписываться в общий мейнстрим.

По-видимому, такая жёсткая и однозначная интерпретация советской экономической истории стала постепенно меняться после 2014 г., хотя реструктуризация научного поля историков и экономистов шла в очень разных направлениях. Причём нельзя сказать, что работ, посвящённых апологетике экономического развития СССР и рассказывающих другую, «несырьевую» политико-экономическую историю, стало существенно больше. Как нельзя сказать и то, что прежний мейнстрим экономической истории стал неактуален — так, в предыдущем номере нашего журнала в рецензии на книгу известного российского историка Дмитрия Травина приводится большой обзор как российских, так и зарубежных работ, использующих прежний институциональный дискурс [Заостровцев, 2023]. Но сравнительно недавно уже появились монографии, претендующие на другой уровень анализа, использующие альтернативные подходы к изучению предмета.

Первая такая работа — эта двухтомник Николая Митрохина «Очерки советской экономической политики в 1985–1989 годах», выпущенная издательством «Новое литературное обозрение» в 2023 г.¹ Автор очень правильно помещает предъявление своего политического кредо ближе к концу повествования: «На наш взгляд, распад СССР и крушение коммунистической диктатуры были безусловным благом для населения этой страны, а сохранение этой диктатуры, не желавшей даже обеспечить свободный выезд граждан, не говоря уже о современном уровне питания, снабжения и социальных благ, — злом» (Митрохин, т. 2. С. 514). Напиши он это в предисловии или в первой главе первого тома своей работы, полагаю, её востребованность современным российским читателем резко снизилась бы.

Большим достоинством работы Н. Митрохина является социологический анализ советских элит, включающий в себя характеристику биографических обстоятельств основных исторических персонажей. Экономисты, которые рассматривают историю под углом эволюции институтов, к сожалению, зачастую игнорируют «личный фактор»; в результате их история сводится к описанию механизма функционирования той или иной модели. Собственно, у автора тоже есть такая модель — это «экономика согласований», в связи с которой Митрохин ссылается на список отечественных исследователей: А. Леденеву, С. Кордонского, В. Широнина, В. Найшуля, подчёркивая: «однако автор этой книги пришёл к данной терминологии самостоятельно» (Митрохин, т. 1. С. 163). С точки зрения экономиста, здесь коллеге Митрохину стоило бы расширить свой кругозор и, как минимум, ознакомиться с работами М. Олсона, посвящённым механизму работы «малых групп» и «институциональному склерозу» [Олсон, 1995; 2013], не говоря уже о других исследователях, занимавшихся проблемой общественного выбора. Вероятно, это могло бы поколебать его взгляды на политико-экономическую природу «коммунистической диктатуры», а заодно внести ненужные сомнения в прогрессивность и эффективность механизма «либеральной демократии». К счастью для душевного покоя автора, он успешно избегает подобной рефлексии и погружений в теоретические глубины.

Анализ биографий коммунистической элиты 1960-х гг., представленный Митрохиным, показывает, почему официальный автор «косыгинской реформы» Е. Либерман не был привлечён к разработке документов по её реализации, какова была роль «днепропетровской группы», как шла борьба «аграрного», «машиностроительного», «оборонного» лобби, каковы были роли работников ЦК КПСС и руководителей отраслевых министерств. При

¹ [Митрохин, 2023]. Далее ссылки на эту работу будут приводиться в круглых скобках с указанием автора, тома и страницы.

этом Н. Митрохин невзначай, не задумываясь, развенчивает один из советских мифов об эксплуататорской обуржуазившейся «коммунистической номенклатуре»: «Работа в аппарате ЦК КПСС в $\frac{3}{4}$ случаев не была пожизненной синекурой. Притом что основная масса его рядовых сотрудников приходила туда на работу в возрасте до 40 лет, средний срок работы сотрудника в аппарате ЦК КПСС укладывался в 10-летний период. Кто-то работал в аппарате ЦК КПСС год-два, будучи взят в него на фактическую стажировку, для того чтобы быть позже назначенным на высокую позицию в своём регионе, кто-то просто не соответствовал возложенным ожиданиям.

Таких, не оправдавших надежд, аппарат ЦК КПСС пристраивал в небольшие подшефные организации (например, в редакцию второстепенного журнала или руководство крупного строительного главка) на должности первых замов или руководителей — организационный опыт у них для этого был... кто всё же соответствовал требованиям... де-факто признавались чиновниками высшей квалификации, годными к замещению многочисленных вакансий в примерно четвёртом эшелоне номенклатуры общесоюзного уровня. Это могла быть должность начальника управления в небольшом министерстве или второго секретаря глубоко провинциального обкома. Другая значительная группа работала существенно дольше, но через девять лет вставал вопрос — оставлять ли их в аппарате бессрочно, в качестве «аппаратных зубров» и учителей новичков или всё-таки их репутация не столь безупречна...» (Митрохин, т. 1. С. 166). Такое описание бесконечно далеко от вариантов, при которых работники ЦК КПСС представляются деятелями, похожими на современных российских капиталистических олигархов, ворочающих миллиардами долларов, влияющих на назначение министров, мэров и губернаторов, отдыхающих на огромных океанских яхтах... Конечно, вопрос о качестве механизмов рекрутирования этих номенклатурщиков «коммунистической диктатурой» остаётся открытым, но тот же вопрос возникает и в отношении нынешних механизмов формирования элиты; причём не только российской, но и западной.

Точно так же, невзначай, Митрохин развенчивает другой политический миф: о связи конца «косыгинских реформ» с чехословацкими событиями 1968 г. По мнению автора, причины были чисто экономическими: «28 ноября 1969 г. на специально организованном Политбюро в Кремле совещании первых секретарей региональных комитетов партии, председателей республиканских правительств и председателей облисполкомов Брежнев поставил вопрос о серьёзных нарушениях в расходовании государственных средств не по назначению. В первую очередь это касалось строительства административных, спортивных, культурных и развлекательных зданий, которые возводились на средства предприятий вопреки ранее утверждённому плану. Речь шла о гигантских объёмах незапланированного строительства: 1 800 административных зданий, 834 дворца культуры, 380 стадионов, 29 цирков, огромный комплекс бань в Алма-Ате, шикарный ресторан, возведённый в море, в 300 метрах от берега в Баку. Фактически это совещание, выразившее невысказанный упрёк системе государственной власти от лица партийной (поскольку именно система государственных органов была инициатором многих этихстроек), означало конец «косыгинских реформ»» (Там же. С. 126).

К сожалению, несмотря на правильный вывод об основных причинах неудач реформ 1965 г. (и, забегая вперёд, более поздних попыток реформирования), Митрохин повторяет мейнстримную риторику о невозможности сочетания «плановой» и «рыночной» экономики. В этом дискурсе предоставление самостоятельности советским предприятиям и объединениям вело к тому, что руководители сразу начинали тратить средства на соцкультбыт и срывать производственные планы, что приводило к негативным последствиям: «Стало ясно, что происходит перекачка средств из централизованной системы производства..., управляемой кланами партийных чиновников и верхушкой военно-промышленного комплекса, в невоенные сектора экономики (которыми... распорядился Совет министров СССР), в распоряжение местных властей и в конце концов в частный сектор и частные руки.

Подобная ситуация в свою очередь должна была вызывать массу вопросов у лиц, принимающих решение в рамках коллективной диктатуры, Политбюро и особенно его ядра... Они прямо теряли контролируемые средства и, стало быть, часть власти» (Там же. С. 152).

Кажется, автор тщательно проанализировал поведение советских хозяйственников и сейчас перейдёт к естественному выводу из представленного им же большого исторического материала — советские предприятия не были экономическими агентами, они не были «фирмами» в экономическом смысле этого слова. Строительство «административных зданий»², жилья, стадионов и других непроизводственных объектов, не приносящих прибыль, — это задачи государства, и советские предприятия, объединения и министерства как раз и были такими квазигосударствами [Ореховский, 2022]. Между такими акторами не могло быть экономической конкуренции: банкротство градообразующего предприятия означало одновременно упадок города. Последнее было невозможно в рамках коммунистической идеологии. Поэтому необходимой предпосылкой экономического реформирования была передача непроизводственных фондов местным властям — Советам, рай- и горисполкомам, а заодно и переформатирование налогово-бюджетной системы. Такие перемены тоже привели бы к перераспределению власти между Политбюро и местными органами, но, по крайней мере, риторика о расширении прав руководителей предприятий и необходимости ориентации на прибыль приобрела бы смысл. К сожалению, Н. Митрохин остаётся полностью в рамках антисоветского мейнстрима, воспроизводя набившую оскомину аргументацию о невозможности сочетания плана и рынка, возвращаясь к тезису российской белой эмиграции 1920-х гг. — советская экономика была обречена.

С другой стороны, рассматриваемая работа во многом основывается на мемуарах, дневниковых записях и интервью, взятых в разное время у различных советских чиновников как самим автором, так и его коллегами. Специфика такой работы заключается в чувстве эмпатии, которое необходимо интервьюеру. Приводимые в книге высказывания главных героев советской эпохи свидетельствуют о том, что коммунистические начальники знали и понимали многое из происходящего. Так, характерны оценки импорта фуражного зерна, который наращивался и в 1970-е, и в 1980-е гг.: «сотрудник Госплана СССР Леонид Гребнев... пришёл к выводам, что если бы схема закупки мясопродуктов на Западе была реализована, то СССР мог бы продавать за рубеж зерно, которое не надо было бы тратить на экономически неэффективный откорм скота. Туда же за рубеж пошли бы и минеральные удобрения, не нужные в таких количествах для выращивания злаковых. Это в значительной мере окупило бы затраты на покупку мяса. Как и сокращение капитальных инвестиций и различных форм дофинансирования убыточных сегментов сельского хозяйства, а также отказ от траты валюты на закупку 20% (от потребляемого) зерна, добавим мы от себя» (Митрохин, т. 2. С. 73). Осуществлению этой вполне рациональной меры мешало «аграрное лобби», лидером которого во второй половине 1970-х гг. становится М.С. Горбачев³. А заодно, как отмечает автор: «войну с бюджетом Горбачев начал с первых месяцев своего правления. Помимо антиалкогольной кампании и масштабных инвестиций в НТР, он сохранял уверенное нежелание пойти на повышение цен на продукты питания и потребительские товары, которое было согласовано на высшем уровне ещё в 1980 г.

Согласно помощнику Горбачёва Милосердову, под напором Госплана, Госкомцен и Минфина очередная попытка повышения цен была согласована Политбюро уже летом 1985 г. Тогда было принято постановление о концепции повышения розничных цен на

² Зачастую в этих зданиях не менее половины отводилось для «встроенных» и «пристроенных» помещений, в которых располагались организации торговли, общепита, бытового обслуживания населения.

³ «Вместо скоропостижно скончавшегося 17 июня 1978 г. политического тяжеловеса, 60-летнего Фёдора Кулакова, был избран его протеже – 46-летний Михаил Горбачёв... Насколько можно понять из мемуаров Горбачёва, фактически его поставили на должность секретаря ЦК, чтобы он от лица Брежнева и всего «аграрного лобби» сохранял долю отрасли в общенациональном бюджете» (Митрохин, т. 2. С. 78).

продукты питания, которое Генеральный секретарь должен был публично объявить в августе... Горбачев этого не сделал под предлогом существования некоторого количества писем снизу с протестами против подобных возможных мер. Таким образом была провалена очередная попытка резко сократить количество ввозимого зерна, а значит, и расход валюты, за счёт которой зерно закупалось» (Там же. С. 482–483).

Отмечу, что, пожалуй, некоторый негатив проявляется у Митрохина в оценках деятельности только двух персонажей своей книги — М.С. Горбачева и Н.И. Рыжкова, в остальном ему удаётся сохранять объективистскую уважительную позицию. По мере чтения двух томов его «Очерков...» всё сильнее возникает ощущение диссонанса — если в руководстве СССР было такое большое количество умных и компетентных людей, почему же они не смогли реализовать свои собственные решения? Причём речь не о таких «общих направлениях», как ускорение НТП или снижение энергоёмкости ВВП, но о простых «единоразовых» вещах, вроде описанного выше согласованного и закреплённого решением Политбюро повышения цен на потребительские товары? Другим таким примером, который проходит у автора через все два тома, является отмена «хрущёвского» решения о запрете производственных кооперативов и артелей, ремесленничества (в том числе в сфере ремонта и общепита), сокращении площадей приусадебных участков у колхозников. Как показывает Митрохин, и Косыгин, и Андропов, и большое количество других деятелей первого ранга говорили о необходимости такой отмены, возрождении «малого предпринимательства» и крестьянства в СССР. Но ничего так и не было сделано вплоть до горбачёвских реформ (отдельный вопрос, какой механизм развития кооперации реализовался при Горбачёве...). Всё это как-то противоречит той высокой оценке интеллекта и морально-волевых качеств советской элиты, которую невольно начинаешь принимать для себя вслед за уважительными описаниями автора. Неявно подразумевается, что Горбачев или Брежнев могли полностью проигнорировать коллективное мнение Политбюро, ничем не отличаясь в полноте политической власти от И.В. Сталина.

Сильной стороной работы Н. Митрохина является то, что он «идёт вслед за материалом», а не пытается выстроить последний в соответствии со своей моделью истории. В антисоветском ретроспективном дискурсе, например, принято изображать подпольных дельцов советской эпохи не банальными ворами, а настоящими либералами, новаторами, которые заботились о благе народа, в то время как неповоротливая бюрократическая машина и тоталитарные органы внутренних дел всячески мешали насыщению потребительского рынка. Таков, например, пафос популярного отечественного сериала «Дело гастронома №1», оказавшего (и оказывающего) большое влияние на восприятие современными российскими гражданами советской жизни. А вот описание той же коллизии столичной торговли Митрохиным: «...первое открытое столкновение Андропова и Горбачева с этой системой датируется летом 1982 г., когда Секретариат ЦК КПСС решал вопрос о преодолении кризиса со свежими фруктами и овощами в Москве. По словам Горбачева, продукты были поставлены в город, однако московская торговля отказалась их принимать. В результате фактическим руководителям страны пришлось решать эту проблему не обычным закулисным давлением на первого секретаря МК КПСС, члена Политбюро и одного из конкурентов Андропова в борьбе за пост Генерального секретаря Виктора Гришина, а прямым нажимом Горбачева на московский горисполком и торгующие организации в обход главного московского начальника. Против Гришина косвенно выдвигались обвинения в недееспособности, а само по себе дело могло привести и к появлению уголовных обвинений в его адрес. Во всяком случае, по словам бывшего адвоката директора “Елисеевского” Соколова, у его клиента были получены показания на Гришина и Трегубова в обмен на обещание небольшого срока заключения. Однако в итоге Трегубов получил на том же процессе 15 лет, Гришин не пострадал, а Соколов в декабре 1984 г. был приговорён к расстрелу» (Там же. С. 289–290).

Легко себе представить реакцию советских граждан на поведение работников торговли, отказывающихся брать свежие фрукты и продающих «старые запасы»... Или вот еще: «В Ленинграде осенью 1983 г. был арестован Капитон Кузнецов — начальник Ленплодоовощторга. Он внедрил технологию превращения традиционно продаваемых советской торговлей незрелых зелёных бананов в жёлтые с помощью обработки паром. В процессе они добирали от пара 15–20% веса, что и было его (и его подельников) прибылью при продажах» (Там же. С. 291). В свете этого светлый облик советских «деловых людей», которые вели борьбу с «коммунистической диктатурой», как-то сильно блекнет, явно расходясь с их современными кинематографическими портретами.

Конечно, в такой большой работе не обошлось и без «ляпов». Профессиональным историкам ещё предстоит сделать оценку достоверности и точности источников, используемых Н. Митрохиным. Учитывая специфику такого жанра, как мемуары, отсутствие такого источниковедческого анализа у автора, конечно, следует рассматривать как недостаток. Хотя экономисту, конечно, бросается в глаза совсем другое, например: «"Атоммаш" — ключевое слово в энергетической политике 1970-х... "Атоммаш", построенный в г. Волгодонск (рядом с Волгоградом), входил в число пяти-шести важнейших строек 1970-х гг.» (Там же. С. 193). О важности строек и тем более — «ключевом слове в энергетической политике» можно спорить, но бесспорно то, что Волгодонск находится в Ростовской области, на берегу Цимлянского водохранилища на реке Дон, и от Волгограда отстоит примерно на 300 км. Собственно, примерно такой «клюквы» и ожидаешь при чтении работы ученика Ю. Афанасьева, проживающего в ФРГ, но надо отдать должное Н. Митрохину — грубые ошибки у него встречаются редко. Важно, конечно, их исключить в дальнейших изданиях этого труда — очень хочется, чтобы он был замечен и экономистами, и историками. На мой взгляд, эта работа является пионерной, привлечён и обработан огромный исторический материал; оба тома заслуживают самой высокой оценки.

Переходя к второй работе, где тоже представлена широкая перспектива экономической истории СССР 1950–1980-х гг.⁴, следует подчеркнуть её пересечение с работой Н. Митрохина в одном из самых «тёмных» мест: это жупелы «сталинистов» и «прогрессистов», которые ни в коем случае нельзя принимать за реальную политическую ориентацию. В первом томе работы Митрохина есть глава под названием «"Сталинист" Шелепин как союзник Косыгина в экономической реформе и "рыночник"». В ретроспективе оказывается, что взгляды «сталинистов» очень напоминают позиции Дэн Сяопина, причём в своём прагматическом отношении к рынку они были намного прогрессивнее так называемых «прогрессистов» (сторонников развития товарно-денежных отношений). И наоборот, в интереснейших разделах, посвящённых Р. Косолапову и истории «банды четырёх», Н. Митрохин называет этих персонажей «прогрессистами», хотя те меры, с помощью которых Р. Косолапов предлагал увязать оплату и производительность труда, очень напоминают реально «сталинистские». Думается, что здесь Н. Митрохин некритически воспринял те ярлыки, с помощью которых коммунисты пытались шельмовать оппонентов, находившихся в их же рядах.

Авторы «Кристалла роста...» как раз отталкиваются от «сталинистской» модели советской экономики 1929–1955 гг., характеризуя её как «модель опережения»: «Основа модели заключается в опережающем развитии предложения — создании новых и модернизации существующих отраслей и производств, что, в свою очередь, ведёт к увеличению доходов и внутреннего спроса. То есть в этой модели предложение опережает и определяет спрос, а не наоборот.

Ядром модели опережения является новая индустриализация — по сути своей, организуемый государством перевод экономики в новый технологический уклад. Отправным фактором оценки потенциала создания новых отраслей и производств, а также опережающего создания базовой инфраструктуры (прежде всего — электрификации) является целе-

⁴ [Галушка, Ниязметов, Окулов, 2021]. Далее ссылки на эту работу будут приводиться в круглых скобках как (Кристалл роста...) с указанием страницы.

направленное изучение и достоверная оценка имеющихся естественных производительных сил: природных ресурсов и источников энергии» (*Кристалл роста...* С. 22).

Очевидно, что, в отличие от Н. Митрохина, авторы осмысливают историю в рамках смены институциональных моделей. Таких моделей применительно к России они выделяют шесть: модель спроса (1885–1913), модель восстановления (1921–1928), модель опережения (1929–1955), модель затухания (1956–1991), модель трансформации (1992–1998), модель сырьевая (1999–2019). Это простой риторический приём: берётся какой-либо исторический период, ему присваивается наименование «модель», а рядом ставится та или иная метафора. Историк, возможно, предпочёл бы рядом с историческим периодом поставить имя того или иного государственного деятеля, а экономист — сочетание имени такого деятеля и стадии эволюции («стольпинская» или «сталинская» модернизация, «брежневский» застой, ельцинский «переходный период» и т.д.). Обычно под «моделью» понимается некий объект, помещаемый между исследователем и «реальностью», который позволяет лучше понять механизм функционирования последней, чем при непосредственном наблюдении. Здесь же неявно применяется авторская интерпретация этого термина, причём характерно то, что применяются разные основания классификации, делая указанные шесть моделей, в общем-то, несопоставимыми. Так, «модель спроса», видимо, может быть сопоставлена с «моделью опережения [предложения над спросом]», но модели «восстановления», «затухания», «трансформации» и «сырьевая» представляют, строго говоря, отдельные сущности, несопоставимые между собой. Но авторы, конечно же, занимаются именно сопоставлением, где критерием являются темпы экономического роста, по которым «модель опережения» выигрывает «за явным преимуществом».

В рамках сравнительно небольшой рецензии нет возможности останавливаться на всех теоретических новшествах «Кристалла роста...». Учитывая временные рамки работы Н. Митрохина, остановлюсь только на «модели затухания». Собственно, именно эта модель рассматривается авторами в главе 9 (Там же. С. 205–238), которая носит характерное название «Ликвидация». В первом разделе авторы говорят о чехарде укрупнений – разукрупнений – реорганизации министерств, которые в результате стали хуже работать, сворачивании 20 крупнейших проектов, резко затормозивших освоение российского Севера, а заодно о начале авантюры по освоению целины. Они не останавливаются на анализе мотивов поведения Н.С. Хрущева (собственно, последний вообще не называется по имени, авторы обходятся эвфемизмом «Глава государства»). Поэтому решения, которые начинают ликвидацию «модели опережения», появляются спонтанно, высказываются из «главы государства», как чёрт из табакерки. Однако логично предположить, что мероприятия по реорганизации министерств затевались для того, чтобы лишить власти политических противников Хрущева, сворачивание северных проектов — для высвобождения средств, перераспределяемых в первую очередь в советские республики для подкупа национальных элит. В свою очередь, если принять такую гипотезу в качестве правдоподобной, встаёт вопрос о том, насколько жизнеспособной была «опережающая модель» в условиях транзита политической власти? И не являются ли политические издержки, которые, по сути, сорвали выполнение плана первой пятилетки и существенно затормозили выполнение второй, внутренне присутствующими этой «модели»?

В разделе 9.2. «Ликвидация эффективности» речь идёт об ослаблении стимулирования: решениях об увеличении заработной платы (и пенсий) для низкодоходных (и низкопроизводительных) слоёв трудящихся, и снижении оплаты труда высокодоходных, прежде всего относительно малочисленного слоя интеллигенции. Учитывая отсутствие рынка труда и общего механизма объективной оценки, основанной на предельной производительности, речь идёт о резком снижении уровня социальной дифференциации. Здесь в усиление тезисов авторов о переходе к «уравниловке» следовало бы добавить о внедрении в СССР методов поточного жилищного строительства и административном распределении жилья «нуждающимся», без учёта их реального трудового вклада... Раньше, по-видимому, это не позволяла сделать «опережающая модель»? Авторы об этом умалчивают.

Важнейшим тезисом данного раздела является следующая оценка: «15 августа 1956 г. выходит Постановление Правительства №1124 “Об изменении порядка пересмотра норм выработки”. Документ отменяет проводившееся ранее каждый год целевое и фронтальное повышение норм выработки по всей экономике. Именно то повышение, которое члены Правительства предлагали определить в учебнике экономики как один из основополагающих принципов организации экономической системы.

Администрациям предприятий теперь предлагается самостоятельно разрабатывать самим себе годовые календарные планы пересмотра норм выработки. При этом не ставится вопрос, в чём же будет мотив предприятий разрабатывать самим себе напряжённые задания по повышению эффективности, постоянно искать пути её повышения, снижать затраты времени на выпуск единицы продукции.

Григорий Алексеевич Явлинский, исследующий последствия решения об отмене целевого, фронтального повышения норм выработки, приходит к выводу, что данное решение становится “началом конца” и “смертным приговором системе” — [выделено авторами — П.О.]» (Там же. С. 211).

Ну, понятно, раз сам Явлинский сказал... Если же абстрагироваться от такого авторитетного аргумента, то стоит вспомнить о том, что первичная индустриализация и период послевоенного восстановления СССР закончены, производительность труда в большей степени зависит не от интенсивности индивидуальных усилий и мастерства работника как в XIX в., а в соблюдении технологических регламентов при обслуживании машин и производственных линий. И в СССР, и на Западе происходит постепенный отказ от сдельной формы оплаты и переход к повременно-премиальной. А стимулом для «напряжённого задания по повышению эффективности» для предприятий как раз и являются планы производства продукции, непосредственно увязанные с численностью работников — плановые объёмы выпуска-то постоянно пересматривались. Руководству же министерств и предприятий вроде бы виднее, на каких участках уместнее применять сдельную, а на каких — повременно-премиальную оплату труда.

Раздел 9.3. «Ликвидация приусадебных хозяйств», как и Раздел 9.4. «Ликвидация артелей» посвящены уже упоминавшемуся выше сюжету. Разделяя негативные оценки последствий этих мероприятий вместе с Н. Митрохиным, А. Косыгиным, Ю. Андроповым и авторами «Кристалла роста», остаётся повторить ранее заданный вопрос — что мешало коммунистическим руководителям отменить эти хрущёвские произвольные решения? Или руководители СССР сознательно перешли к реализации «модели затухания» с целью разрушения первого в мире государства рабочих и крестьян?

Разделы 9.6. «Ликвидация планирования», 9.7. «Ликвидация высоких темпов роста», 9.8. «Ликвидация двух контуров денег и переводного рубля» не оставляют у читателя сомнений — советская элита сознательно вела дело к разрушению «коммунистической диктатуры» по Н. Митрохину. Странно, что последний в своём двухтомнике ни разу не процитировал «Кристалл роста...», учитывая полученные авторами сенсационные результаты.

Уровень аргументации, конечно, несколько смущает. Вот, например, как авторы описывают причины провала авантюры академика В.М. Глушкова, ссылаясь на первоисточник: «Попытки академика В. М. Глушкова, направленные на технологический прорыв в данной сфере, разбиваются об утрату системой управления способности к реализации проектов такого масштаба, доминированием к тому времени частных и ведомственных интересов в системе государственного управления. Сам Виктор Михайлович пишет: “Гарбузов (Министр финансов 1960–1985 годы. — Прим. авторов) сказал Косыгину, что Госкомупр (Государственный комитет по совершенствованию управления.— Прим. авторов) — планируемая головная организация ОГАС — станет организацией, с помощью которой <высшее руководство> будет контролировать, правильно ли Косыгин и Совет Министров в целом управляет экономикой, и этим настроил Косыгина против нас”». Ужасны министры финансов России во все времена!

А вот как проблемы с информацией, существовавшие в Госплане, описывает Н. Митрохин: «главный специалист Госплана и аппарата Совета министров СССР по вычислительной технике, который, собственно, и формировал финальные версии народно-хозяйственного баланса страны и отвечал за оперативные справки по экономике, признаёт, что не обладал информацией о ситуации в ВПК [Речь идёт о выдающемся советском экономисте В.Н. Коссове и его воспоминаниях — П.О.]. Хотя и в Госплане, и в Совете министров были подразделения, занятые планированием ВПК и отвечавшие за реализацию принятых программ, они никак не обменивались информацией с руководством ведомств и лишь присылали заявки на требуемые ресурсы...

Вторым существенным аспектом сокрытия информации было обезличивание на «макроуровне» конкретных видов продукции под общими «отраслевыми» названиями, своеобразным бюрократическим сленгом...

Это в значительной мере происходило потому, что номенклатура производимой в СССР продукции, а следовательно, имеющихся ресурсов была широка и постоянно расширялась... Любая унификация этих данных неизбежно вела к обобщениям. На уровне создателей электронных баз и систем учёта могло обсуждаться только, каков мог быть масштаб обобщения для каждого ведомства.

Госплан, например, вручную разрабатывал 500 пятилетних планов получения и распределения продукции («балансов») и 2 000 годовых «балансов». Его «компьютерная» служба (Главный вычислительный центр (ГВЦ)) делала такие балансы только по стоимостным показателям для 18 отраслей и по «натурально-стоимостному» показателю для 260 видов производства. Фактически, как пишет сотрудник ГВЦ [ныне — профессор НИУ ВШЭ Л.С. Гребнев — П.О.], работавший с 1970 г., автоматизирован был только ввод и вывод информации на бумажных носителях, а не сами расчёты. По его мнению, ГВЦ был «потёмкинской деревней», работающей в режиме машинописного бюро, а не центра автоматической обработки информации.

Академик Виктор Глушков, лоббирующий проект универсальной компьютерной системы АСУ, утверждал, что его институт может работать с 1 200 показателями, однако заполненные матрицы расчётов такого масштаба так сотрудникам Госплана и не показал» (Митрохин, т. 1. С. 211–213).

Таким образом, реальность модели затухания и реальность очерков советской экономической политики различаются принципиально. Делать выводы остаётся читателям. При этом есть ещё глава 10 «Кристаллизация», где авторы предлагают свои рецепты к возрождению «экономики опережения» в современных российских условиях, но поскольку их реализуемость и ожидаемый эффект явно выходит за рамки предмета данной рецензии, останавливаться на их характеристике я здесь не буду.

Остаётся лишь отметить, что авторы «Кристалла роста...» Александр Галушка, Артур Ниязметов и Максим Окулов награждены почётной грамотой Общественной палаты Российской Федерации «за большой личный вклад в формирование значимых инициатив в сфере стратегического развития страны, сохранение исторической памяти и развитие общественной дискуссии о долгосрочных приоритетах и практических механизмах социально-экономического роста», а также получили массу комплиментарных отзывов от таких уважаемых людей, как Н.С. Михалков, В.А. Фадеев, И.О. Щеголев, А.В. Журавский, С.А. Вахруков, М.Ю. Алексеев, С.Ю. Глазьев, Д.А. Зайцев, А.М. Осипов, Б.С. Алёшин, А.А. Проханов, А.С. Бобровский, А.Г. Дугин, А.О. Безруков, Н.А. Нарочницкая. Таких рекомендаций, несомненно, достаточно, чтобы внимательно изучить «Кристалл роста...», в сущности, книга не нуждается в дополнительной рекламе.

Напротив, насколько я могу судить, книга Н. Митрохина пока не отмечена ни грамотами, ни особым вниманием. Боюсь, ей не суждены радужные перспективы. Однако я всё же очень рекомендую её достать и прочитать. И, возможно, вопрос о корректности модели «экономики опережения» после прочтения работы Митрохина снимется сам собой.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Аджемоглу Д., Робинсон Дж. (2013). *Экономические истоки диктатуры и демократии* [Acemoglu D. Robinson J. (2013). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*]. — М.: ИД ВШЭ.
- Гайдар Е.Т. (2005). *Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории* [Gaidar E.T. (2005). *For a Long Time. Russia in the World: Essays on Economic History*]. — М.: Дело.
- Гайдар Е.Т. (2012). *Гибель империи. Уроки для современной России* [Gaidar E.T. (2012). *The Death of an Empire. Lessons for Modern Russia*]. — М.: Астрель: CORPUS.
- Галушка А., Ниязметов А., Окулов М. (2021). *Кристалл роста к русскому экономическому чуду* [Galushka A., Niyazmetov A., Okulov M. (2021). *Growth Crystal to the Russian Economic Miracle*]. — М.: Наше завтра.
- Заостровцев А.П. (2023). Постигающие историю: обзор концепций развития (о книге Д.Я. Травина «Как государство богатеет... Путеводитель по исторической социологии») [Zaostrovtshev A.P. (2023). *Those Who Comprehend History: A Review of Development Concepts (On D.Ya. Travin's Book "How the State Gets Rich ... A Guide to Historical Sociology")*] // *Вопросы теоретической экономики*. №1. С. 142–155. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_142_155.
- Митрохин Н. (2023). *Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах. Т. 1, 2.* [Mitrokhin N. (2023). *Essays on Soviet Economic Policy in 1965–1989. — Vol. 1, 2.*] — М.: Новое литературное обозрение.
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества* [North D., Wallis D., Weingast B. (2011). *Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting the Written History of Mankind*]. — М.: Изд-во Института Гайдара.
- Олсон М. (2013). *Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и институциональный склероз* [Olson M. (2013). *The Rise and Fall of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Institutional Sclerosis*]. — М.: Новое издательство.
- Олсон М. (1995). *Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп* [Olson M. (1995). *The Logic of Collective Action. Public Goods and Group Theory*]. — М.: Фонд экономической инициативы (ФЭИ).
- Ореховский П.А. (2022). Советские корпорации: «прокляты и забыты»? (границы современного авторитетного экономического дискурса) [Orekhovskiy P. (2022). *Soviet Corporations: «Damned and Forgotten»? (Limits of Modern Authoritative Economic Discourse)*] // *Вестник Института экономики*. №3. С. 7–31. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_3_7_31.

Ореховский Петр Александрович

orekhovskypa@mail.ru

Petr Orekhovsky

doctor habilitatus in economics, professor, chief research fellow of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

orekhovskypa@mail.ru

ECONOMIC HISTORY OF THE LATER USSR: NEW PLURALISM (ABOUT THE BOOKS OF NIKOLAI MITROKHIN AND THE MANIFESTO «THE CRYSTAL OF GROWTH. TOWARD THE RUSSIAN ECONOMIC MIRACLE»)

Abstract. The work is devoted to the characterization of two recent works on the economic history of the USSR, which use a fundamentally different approach to describing the Soviet reality. N. Mitrokhin's two-volume edition uses interviews, biographies of representatives of the Soviet elite, and memoirs. In general, his analysis is based on economic sociology and is based on the hypothesis of the rationality of the behavior of Soviet leaders interested in the growth and prosperity of their industries and the USSR as a whole. In the joint work of A. Galushka, A. Niyazmetov, M. Okulov, an implicit hypothesis is introduced about the incompetence and dominance of private, individual interests of Soviet leaders. Formally, they use institutional analysis, but the models identified in the book are identified with individual historical periods in the life of Russia and the USSR and are not comparable. Each of the works under consideration is of great interest, and together they characterize the trend towards continued fragmentation of modern economic history.

Key words: *discourses, late USSR, mainstream, pluralism, institutions, biographical analysis, economic models.*

JEL: N00, N01, N14.